

Троянский конь

Мне двадцать семь, и я счастлива. За плечами кандидатская по Набокову. У меня свой стол на кафедре журналистики и заводная команда студентов, готовых вписаться в любой проект. Я читаю лекции в родном универе и пару раз в год гоняю на второе высшее по пиару в Питер. Голова разрывается от идей и планов. Я рулю Молодежной школой журналистики, открываю школу PR и рекламы, организую в городе несколько громких событий на тысячу человек. Рассекаю на синем «жигуле», катаюсь на горных лыжах, лазаю по скалам. Деньги на почти бесплатную работу препода добываю летом промышленным альпинизмом. Болтаюсь на веревках в жарком небе над сонным расплавленным городом, раскрашиваю ржавые бока стометровых труб в красно-белые полоски, улыбаюсь такому близкому солнцу и смакую такое недалекое будущее.

Все складывается как простой детский пазл, сочная выразительная картинка из нескольких фишек: преподавание, культурные проекты, спорт и собственное PR-агентство на горизонте. Пожалуй, назову его «Редкая птица». Но судьба, похоже, не намерена играть в поддавки, и пока я люблюсь

готовой картинкой, она рисует мне новые фишки. Один деятельный незнакомец — назовем его Макс — предлагает мне вместе придумать новый проект. Макс давно и счастливо дружит с восходящей звездой русской литературы Алексеем Ивановым. В 2005-м в столице бум на писателя. «Общага-на-Крови», «Географ глобус пропил», «Сердце пармы» взорвали рынок. Журналисты пачками едут на Урал, чтобы взять интервью у будущего классика. А классик — здесь, рядом, скромно гуляет в любимом свитере по нашим улицам, непреставленный, неузнанный, неозвученный.

Макс по-дружески получил писательское благословение, и мы замахнулись на фестиваль «Сердце пармы». Решили доставить публику, журналистов, музыкантов, ролевиков и художников прямо в роман, то есть в Чердынь: разместить на выходные на поле в палатках и развлекать за свой счет. Только вот своего счета у нас тогда еще не было. Зато были молодость и отвага. Мы сели в мой синий «жигуль» и через пять часов были в Чердыни. Администрация повелась на нашу затею и яростный драйв — нам дали доски, рабочие руки и гигантскую поляну. Мой отец — плотник — весь отпуск волонтерил на строительстве столов, скамеек и навесов с местными мужиками, которые по такому случаю даже бросили пить. Команда моих преданных студентов жила в телефонах, убеждая музыкантов и ролевиков исполнять и сражаться на голом энтузиазме. Я запустила PR-кампанию и привела под флаг Иванова три десятка столичных и уральских журналистов.

Приближалось заветное открытие. Двести фанатов писателя собрали рюкзаки и приехали в наш свежеструганный

фестивальный городок. Сам Иванов прибыл с группой киношников «Централпартнершип» — поглазеть на рубилово на мечах и заодно присмотреть натуру для экранизации «Сердца пармы». Я сочинила громкую речь и представляла, как гордо выйду на сцену с длинными развевающимися волосами, в белой льняной рубашке, — и всех покорю. Но вот незадача: денег на аренду сцены у нас не осталось. И вещать придется где-то в ногах у двух сотен собравшихся с высоты своего невеликого роста. Понты разбивал беспонтовый бюджет.

И тогда я придумала оседлать коня — троянского. Он заменит мне сцену и поможет сохранить эффектную мину в бесплатной игре. В деревенской Чердыни лошадь — не роскошь. И вот на открытии я с длинными развевающимися волосами, в белой льняной рубашке, в одной руке — повод, в другой — микрофон, внизу — покоренная публика. И сам Иванов, конечно, — надеюсь, что тоже покоренный.

Не знаю, кого распознал тогда во мне Алексей: дикую и смелую ламию из собственного сюжета или бешеного организатора, готового с наскака решить любую проблему. Но через месяц мы уже сидели вдвоем в темном пивном ресторане. Деревянные столы, неудобные лавки, футбольные экраны на каждой стене — командный спорт на диване для крикливых любителей пива. Мы с Ивановым пьем кофе и знакомимся уже по-настоящему. Я выкладываю писателю свою незатейливую картинку: кафедра — спорт — заводские трубы — PR. Иванов загорается: он придумал ключ к своему проекту.

Уже несколько месяцев, неозвученный и неузнанный, он гулял в бейсболке и свитере по тихим улицам города и вертел

в голове неписательскую идею. Хорошо бы снять об Урале современный и могучий телепроект с премьерой на федеральном канале, чтобы разом разбить великомосковское представление о «замкадье» как стране подсолнухов, плетней и гармонистов. В моей экстремально-спортивной жизни Иванов нашел недостающую фишку для своего сложнейшего пазла. Нужно показать, как Урал можно активно и драйвово потреблять: забираться со скальным снаряжением в пещеры Ермака, продираться на квадроцикле по старой заросшей Бабиновской дороге, парить на дельтаплане над древним городищем Аркаима. Фильм можно снять как яркое путешествие, роуд-муви на автомобилях, моторных лодках, воздушных шарах, вездеходах. В лодке, как водится, трое: местный эксперт предъясняет историю, столичный гость удивляется и задает вопросы, а спортсмен водит всю технику и демонстрирует различные чудеса экстрима в знаковых локациях.

Роль экстремала должен играть не brutальный качок, а хрупкая девушка, чтобы показать, что уральские скалы, пещеры и реки покоряются каждому. Я идеально попала в кастинг и получила роль, но в нагрузку Иванов мне отвесил неподъемную должность — продюсера небывалого фильма. Показать, что даже хрупкая девушка может лазать, летать, водить и прыгать, мне было легко, даже весело. А вот доказать, что каждая кухарка без связей, телевизионного опыта и денег может управлять большим новаторским проектом для федерального канала, казалось неподъемной задачей. Мне было некомфортно, волнительно и даже страшно. Однако

я понимала, что засветиться в фильме я смогу, только если сама его спродюсирую.

Но что делать, с чего начать, где добыть информацию, когда интернет еще в зачаточном состоянии? Как найти деньги, если незнаком ни с одним олигархом? Я зависла в чистилище, передо мной на столе лежал гигантский спутанный пазл, и фишки теперь не складывались.

Без чуда в голове

Мне все еще двадцать семь, и я в полном раздрае. Круглосуточно прокручиваю в голове уравнение, в котором одни неизвестные. Иванов как одержимый пишет сценарий на восемь серий. Он в своей стихии: сценарии уже делал, правила знает, материал ему тоже знаком. А мне сводит челюсти груз ответственности. Большой писатель доверил мне — непрофессионалу — свою мечту. Теперь как-то нужно придумать к ней крылья. Но как рассчитать проект, когда опыт в телеке — нулевой, какое оборудование нужно для съемок — не представляю. А интернет в 2005-м практически пуст.

Хорошо хоть Макс тоже в деле, и я уже успела крепко с ним задружиться. Нашим офисом становится круглосуточная столовка в центре. На кафе денег нет, я поставила все на фильм Иванова и свернула почти все свои коммерческие проекты, а на зарплате препода далеко не уедешь. Теперь не хватает даже на бензин, но «жигуль» нам с Максом нужен. В свободное от мозговых штурмов время я выезжаю таксовать. Катаюсь по городу, высматриваю на обочине поднятую руку, а в мыслях решаю все то же безнадежное уравнение.

Бомбить выезжаю рано. Слякотным осенним утром всегда есть шанс подобрать на переполненной остановке какого-нибудь продрогшего инженера. Но однажды меня решительно тормозит женщина, похожая на кондуктора. Толстый пуховик, просторный стеганный жилет, большие валенки с калошами, на поясе — черная сумка для денег. Оказывается, она торгует синтепоновыми куртками, на центральном рынке у нее две палатки. Сначала едем в квартиру, загружаем в салон и багажник пять огромных баулов с товаром, потом мчимся на рынок и тащим тюки к полосатым шатрам. Вечером в пять повторяем то же, но в обратном порядке. Так у меня появляется постоянный клиент. И теперь днем я — препод и кандидат наук, утром и вечером — личный водитель и грузчик рыночной торговли, поздним вечером и ночью — продюсер несбыточного телепроекта. А еще полгода назад я любовалась почти сложившимся пазлом красивого и понятного будущего. Мое неслучившееся агентство «Редкая птица» синицей упорхнуло за горизонт, а заветный журавль на глазах превращался в мертвую синюю курицу.

Да еще Иванов каждый день подбрасывал неизвестных, добавляя в сценарий аттракционы с воздушными шарами, подземными вездеходами, вертолетами и катерами. Мы с Максом часами под столовский компот обзванивали знакомых и незнакомых, искали конторы с техникой, в час по чайной ложке врубались в цены и через месяц получили пугающий результат. Наш фильм будет стоить один миллион долларов. Нам эта сумма казалась тогда нереальной — даже в рублях.

Но большой писатель мыслил масштабно, и мы из кожи вон пытались соответствовать.

Макс серьезно задумался над своим имиджем и занял у меня денег, чтобы сменить мальчиковый прикид на лук серьезного продюсера. Мы вместе купили ему коричневые ботинки с массивными круглыми носами, небрежные джинсы, пару рубашек с запонками, водолазку, креативный нестрогий пиджак и убедительный кожаный портфель.

В это время волна столичной славы Иванова докатилась и до провинции. И мы с Максом бросились серфить на ее гребне между кабинетами местных властей и крупных уральских компаний. Получалось плохо. Встретиться с Ивановым, урвать автограф и засветиться в СМИ рядом с модным писателем желали все, а вот раскошелиться на важный для региона проект никто не торопился. К Новому году Иванов дописал сценарий, а мы с Максом все еще не вылезли из столовки. Бюджета хватало только на компот.

2006-й встретили с одним общим желанием на троих: добыть миллион долларов и начать съемки. В чудо не верили, в себе сомневались, но упрямо решили рубиться дальше. Самым спокойным казался Иванов. Он ждал выхода своего очередного бестселлера «Золото бунта», начал роман «Блуда и МУДО», его московский агент один за другим заключал контракты на экранизации. За интервью ворвавшегося в литературу писателя бились «Эксперт», «Афиша», «Русский Newsweek» и даже гламурно-скандальный Playboy. И почти в каждой беседе Алексей транслировал свой заветный принцип

легионеров: «Делай, что должно, и будь что будет». И это была не громкая декларация, а точное резюме его пронзительного пути. Думаю, история Иванова и помогла мне тогда не сдаться.

В 1990-м Алексей опубликовал свою первую фантастическую повесть «Охота на „Большую Медведицу“» в журнале «Уральский следопыт», а первую его книгу издали только через тринадцать лет. Все эти годы Иванов героически продолжал писать и рассылать рукописи, но неизменно получал отказы. «Общага-на-Крови» пролежала в столе тринадцать лет, «Географ глобус пропил» — восемь. Рукопись «Географа» Алексей терял дважды и переписывал все сначала. Когда в 95-м Алексей приступил к своему роману «Сердце пармы», он уже не верил, что его книги когда-нибудь будут опубликованы. Он просто знал, что должен рассказать эту историю, — и будь что будет. По ночам Иванов писал, а днем работал сторожем, туристическим гидом, школьным учителем. Через пять лет роман «Сердце пармы» был завершен и на три года отправился в стопку к другим тайным рукописям.

Но в 2003-м случилось чудо. Роман прочитал известный писатель Леонид Юзефович, порекомендовал его издательству «Пальмира» — и понеслось... Издатели начали конкуррировать за Иванова, «Общага», «Географ», «Сердце пармы» были срочно опубликованы. И никому не известный автор трех модных романов в тридцать четыре стал звездой современной литературы. Удача выбрала того, кто был к ней готов. «Делай, что должно, и будь что будет» стало и моей спасительной мантрой. И, к счастью, судьба ускорила, решив не испытывать мою стойкость тринадцать лет.

Чудо, как водится, пришло в Рождество. Иванову позвонили: «Здравствуйте, Алексей. Это Чубайс. Я прочитал все ваши книги, они меня впечатлили, и я хочу поддержать какой-нибудь ваш проект». Догадываюсь, что Анатолий Борисович рассчитывал услышать просьбу оплатить издание очередной книги. Но Иванов спокойно ответил: «Я написал сценарий об Урале, и мне нужен один миллион долларов на съемки телепроекта». Чубайс явно не рассчитывал на такой масштаб, но все же пообещал вынести проект для обсуждения на совете РАО «ЕЭС». Мы к этому были уже готовы, предъявили сметы, документацию и получили заветное финансирование.

Казалось, что главное решено. У нас есть сценарий, есть деньги. Теперь можно выдохнуть и начать жить. Но эта победа только усилила страх. Мы каким-то чудом смогли расчитать проект и защитить его перед могучим спонсором. Но если раньше на плечи давил риск подвести мечту Иванова, то сейчас над нами нависла еще и ответственность перед огромной корпорацией.

Один миллион долларов — небывалый бюджет для документального сериала. А у нас нет опыта. С чего мы решили, что потянем люксовый проект? Что делать? Где найти профессионалов, которым можно довериться? Деньги решают все, но опыт не продается.

Смысловик-затейник

Мне двадцать девять, и я не знаю, куда девать деньги. Миллион долларов сам себя с умом не потратит.

Мы, все трое, уверены, что не сможем самостоятельно сделать проект, не доросли до таких больших денег. Нужен настоящий продюсер, с московской пропиской и московскими связями.

У Иванова в столице уже три года действует литературный агент — Александр Гаврилов. Модный, громкий, кипучий. Этаким ранний хипстер, помноженный на позднего Чичикова. Всегда застегнут на все пуговицы, очень тщательно и нарядно. Клетчатые ладно скроенные костюмчики, цветные жилетки, веселенькие галстуки и платки всех мастей, рубашки самых нежных оттенков, кольца и запонки. Романтичная шевелюра до плеч, равнобедренный треугольник усов и микроскопическая мушкетерская борода. Гаврилов мягок и лучист, всем улыбается, всем приятен, со всеми на короткой ноге, для всех — просто Саша. Иванова ласково называет Лешенька.

Гаврилов не ходит, а порхает, у него огромный коричневый кожаный портфель с синей подкладкой и миллион дел. Он — поэт, совладелец модного столичного клуба, организатор литературных премий и фестивалей, главный в газете «Книжное обозрение», агент, доцент и шоумен.

Короче, агент Иванова кажется идеальным кандидатом на миллион долларов. Алексей выкатывает Гаврилову наш нехилый бюджет и предлагает им порулить. Но решительный Саша на этот раз не решается. Фланировать с договорами между издательствами — весело и легко. А взвалить на себя большой ивановский проект — тяжело и ответственно. Мы в удивленном ступоре. Если даже вездесущий Гаврилов не взялся, то что остается нам?

Выход предлагает Макс. Пока мы с ним целый год серфим по правительственным кабинетам в поисках финансирования, он удачно проникся молодежной политикой. Он открыл собственную конторку, начал осваивать мелкие гранты, завел знакомства с крупными чинушами от культуры и нашел подходящую креатуру на наш проект.

Перспективный московский деятель — назовем его Пионер — с размахом рулил молодежной политикой, имел топовую должность на федеральном канале и был не прочь эффективно распорядиться нашим бюджетом. Мы заслали ему сценарий и полетели знакомиться лично.

Пионер встретил нас в своем офисе в центре и в ожидании какого-то «очень важного» гостя зачем-то усадил смотреть телевизор. Приехала женщина. «Это Надежда, она смысловик

в Кремле», — торжественно отрекомендовал Пионер. Надежда достала сценарий и уверенно заявила, что над уральскими идеями Иванова надо бы серьезно поработать. Писатель опешил: смысловые галлюцинации серьезной кремлевской дамы его почему-то не убеждали. Но культурная программа на этом не закончилась.

На вечер Пионер пригласил именитого режиссера — обсудить фильм. Документалист был известный и уважаемый, его работы знала вся страна. Но они сделаны не в нашем формате. Долгие и глубокие разговоры за чаем — это не драйвовый клиповый роуд-муви, которого хотел Иванов. Тем не менее мы сели в черный пионерский «крузак» и погнали на окраину Москвы. Пионер рулил быстро и агрессивно, как уверенный хозяин положения. Мы приехали в огромный и уютный демократичный китайский ресторан. Познакомились с режиссером, объяснили наше видение фильма и убедились, что не вписываемся в его стиль.

Но Пионер не сдавался, у него имелись и другие бесценные связи. Их бесценность мы прочувствовали уже через несколько дней, когда получили новый расклад по бюджету. Пионерская арифметика изумляла своей простотой. Пятьдесят процентов денег тратим на съемки, а другие пятьдесят делим между собой. Половина — Пионеру, половина — нам с Ивановым и Максом.

Мы взбесились. Стандартная чиновничья стратегия — отслюнявь сначала себе, а из остатков как-нибудь сляпай проект — была точно не для нас. Мы искали того, кто снимет

эффектный фильм, а не эффективно рассует по карманам половину всех денег.

Наш золотой мост уже дважды перевернулся в воздухе и теперь летел прямо в бездну. У нас не осталось выбора. Мы поняли, что проект на миллион продюсировать нам придется самим. Теперь в лодке нас только трое, не считая мешка с деньгами. Мы должны подняться против течения, но никто из нас пока не умеет грести.

Летим без пилота

«Кому отдать свою свободу?» Весной 2007-го никто из нас этот вопрос уже не задавал. Кашу на миллион долларов будем доваривать сами. Мы патриотично решили, что фильм об Урале должны снимать местные. Конечно, понимали, что у уральских компаний нет опыта производства современных форматов. Но мы же будем руководить процессом и сможем разогнать традиционную стилистику документалистов до современного и драйвового роуд-муви. Для начала не рискнули экспериментировать на гигантском бюджете и задумали снять компактный пилот, чтоб протестировать местных кинематографистов.

Иванов оперативно написал сценарий двадцатиминутного фильма про Чердынь. Задал нужный формат — путешествие. Определил амплуа трех ведущих: эксперт-экскурсовод, любопытствующий путешественник и активный экстремал. Роль экстремала досталась мне: в кадре я должна была ездить верхом, управлять моторной лодкой, забираться на руины церкви, водить огромный грузовик. Экскурсоводом стал ученый-искусствовед Екатеринбургского университета. Туристом

сделали вальяжного и представительного свердловского театрального актера.

Сценарий заслали двум командам документалистов из Перми и Екатеринбурга. Провели переговоры и выбрали пермяков. Съемки запланировали на лето. На пилот не потратили ни рубля из бюджета проекта. Деньги РАО «ЕЭС» были выделены, но первые поступления ожидалось лишь к осени. А мы тянуть не могли. Пятьсот тысяч рублей получили у Андрея Кузяева, энергичного нефтяного олигарха.

В июле наша полная энтузиазма команда прибыла в самое сердце пармы: Иванов, Макс и я, пара наших помощников-администраторов, ведущие и группа пермских телевизионщиков — режиссер, два оператора, техники и продюсер. На десять дней мы разместились в демократичном банно-туристическом комплексе. Группа заняла большой двухэтажный дом. Иванову отдали баню. В то время он писал сценарий фильма «Царь» для Лунгина и все свободное от съемок время проводил с ноутбуком. Лэптоп стоял на единственном табурете в предбаннике, а писатель часами сидел рядом на дощатом полу и отстукивал свой сюжет.

Каждый день мы выезжали в разные точки кинематографировать. Было непросто, жара стояла под сорок, доставали слепни и комары. Неопытные ведущие то и дело входили в ступор. С непривычки им было сложно непринужденно произносить на камеру заученный текст. Первый рабочий день начался с конфликта. Продюсер пермских киношников с чего-то возомнил себя главной звездой и с ходу решил предъявить понты. Он заявил, что взял неудобную обувь,

и сгонял моих помощников в магазин за новыми кедами. Я решила, что так не пойдет, и этим же вечером отправила понтореза домой на ближайшем рейсовом автобусе. Иерархия была восстановлена. Остальные киношники трудились самоотверженно. Кажется, у нас был контакт, и мы отлично сработались. Через две недели домой возвращались окрыленные. Первый опыт показал, что все не так страшно и мы сможем руководить проектом самостоятельно. Осталось только дожидаться монтажа и заценить результат.

Киношники действовали оперативно и дней через десять представили нам законченный фильм. Но, к сожалению, результат мы не оценили. Старомодные текстовые перебивки в изящных фигурных рамочках, долгие зависания камеры на листочках в лужах и каплях росы. Эта классическая задумчивая документалистика сама по себе была хороша, но совсем не вписывалась в наш динамичный формат. Мы сняли фильм для местного телевидения. Федеральный канал на такое не поведется. Наша мечта в который раз обернулась разбитым корытом. Мы топтались вокруг него в нерешительности, обдумывая следующий шаг, который также грозил очередным поражением.

Я вспоминала наш первый разговор с Ивановым в темном пивном ресторане, прокручивала в голове два года самоотверженной работы, личного безденежья, разъедающих душу надежд и неизменных провалов. Мы закрыли вопрос с деньгами, но оказалось, что деньги не решали ничего.

Без связи с общественностью

Спас нас курьезный случай, который приключился с начинающим критиком и журналистом Галиной Юзефович. Пока мы мучительно искали способ с пользой потратить наш миллион, Иванов продолжал выпускать книги и раздавать интервью. Модный столичный журнал «Русский Newsweek» командировал журналистку Юзефович на Урал — написать об Иванове статью в номер. Галина недавно перебралась из провинции в Москву и, судя по материалу, который у нее получился об Иванове, была преисполнена величием нового статуса. В своем материале журналистка представила тридцатипятилетнего автора «Сердца пармы» унылым старичком, живущим среди бараков на берегу «мутноватого залива на Каме, в котором, сколько хватает глаз, догнивают списанные в утиль ржавые теплоходы». По словам журналиста, только поездка в Москву помогла Иванову осознать, что «интернет и телефон — это не роскошь, а реальная необходимость», а свое расписание писатель выстраивает исходя из телевизионной программы. На мой взгляд, типичный свежеприобретенный столичный снобизм, помноженный на отсутствие юмора. Свой опус

Юзефович сдала редактору журнала Леониду Парфёнову. Номер горел, и статью пришлось напечатать. Но потом Парфёнов позвонил Иванову, извинился за слабый и предвзятый текст Юзефович и попросил дать интервью уже ему лично.

Встреча Иванова с Парфёновым оказалась очень кстати. К тому времени Леонид с командой снял блестящий телепроект «Российская империя». По стилистике он идеально совпадал с нашим видением фильма «Хребет России», а Парфёнов идеально вписывался в амплуа любопытствующего туриста в кадре. Мы представили Леониду наш «Хребет России» и предложили снимать и сниматься. Но он не был уверен, что на угрюмом промышленном Урале найдется яркая натура для фильма. Тогда мы придумали ознакомительную экспедицию. Составили план эффектных локаций и той же осенью отправились в трехдневное путешествие — во всей красе предъявить Урал московским кинематографистам.

Мы показали стимпанковые остовы ржавых заводов, водопады заводских плотин, мощные скалы и ледяные пещеры. Москвичи загорелись. Урал определенно стоил фильма. Правда, и звездная группа стоила... очень дорого. Мы на берегу осознали, что их расценки порвут даже наш нескромный бюджет. Но на этот раз отступить не хотелось. Я подумала, что врублю на полную весь свой опыт пиарщика, закидав медиа эксклюзивом съемок со звездой, мы получим волну признания и на этой волне умножим капитал фильма.

Первую пресс-конференцию я организовала для местных СМИ прямо в последний день нашей ознакомительной экспедиции. Мы с Ивановым и Парфёновым под камеры объявили

прессе о начале работы над грандиозным телепроектом, который впервые модно и громко «озвучит» на всю страну уникальный промышленный регион. Воодушевленные эффективной экспедицией, мы жгли, предъявляли и заражали энтузиазмом. Но корм оказался не в суровых уральских журналах. В конце фееричного выступления мы получили только один бесполезный вопрос: «У вас голова не закружилась?»

Я задумалась. Значит, прав был проницательный Иванов, когда в каждом своем интервью заявлял, что Урал сам себе не интересен? Но хватит ли у меня сил, чтобы разбить эту инертную серую глыбу? Смогу ли я сделать знаменитым несуществующий фильм?

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

